

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Научная статья
УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)53,43
Б53

DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-15-22

Любовь и ненависть в огне революции и гражданской войны (философский аспект «Конармии» И.Э. Бабеля) (Рецензирована)

Лариса Петровна Бессонова

*Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,
larisabessonova@rambler.ru*

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы постижения авторского замысла при изображении событий революции и гражданской войны в цикле рассказов И. Э. Бабеля «Конармия» через призму философских понятий, основывающихся на категориях нравственности: любви и ненависти, милосердия и жестокости. Определяются основные художественные приемы, детали, помогающие обозначить авторскую позицию в литературно-политической полемике 20-х годов XX века. Констатируется, что писатели, несмотря на сложные периоды в истории страны, поднимались над политическими проблемами и обращались к общечеловеческим вопросам. Актуальность данного исследования связана с расширением литературно-исторических знаний по творчеству Бабеля с точки зрения проблематики и идейного смысла его сборника «Конармия».

Ключевые слова: революция, гражданская война, философский аспект, авторская позиция, нравственные и духовные ценности.

Для цитирования: Бессонова Л.П. Любовь и ненависть в огне революции и гражданской войны (философский аспект «Конармии» И. Э. Бабеля) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2023. Вып. 1 (312). С. 15-22 . DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-15-22.

Original Research Paper

Love and hate in the outbreak of Revolution and Civil War (philosophical aspect of I. E. Babel's «Konarmiya»)

Larisa P. Bessonova

*Adyghe State University, Maykop, Russia,
larisabessonova@rambler.ru*

Abstract:

The article deals with the issues of comprehension of the author's idea when depicting the events of revolution and the civil war in the cycle of stories by I.E. Babel «Konarmiya». It is done through the prism of philosophical concepts based on such moral categories as love and hate, mercy and cruelty. The main techniques and details that identify the author's position in the literary and political polemics of the 20s of the XX century are determined. It is concluded that the writers, despite the challenges in the historical periods of the country, rose above political problems and turned to universal issues. The relevance of this research is based on the expansion of literary and historical knowledge of Babel's work from the point of view of the problematic and ideological meaning of his book «Konarmiya».

Keywords: revolution, civil war, Red cavalry (Konarmiya), philosophical aspect, author's position, moral values.

For citation: Bessonova L. P. Love and hate in the outbreak of Revolution and Civil War (philosophical aspect of I. E. Babel's "Konarmiya") // Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms, 2023. No.1 (312). P 15-22. - DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312 – 15-22 p.

Введение.

Революция и гражданская война – один из самых трагичных периодов истории России - столкнула в жестокой борьбе народные массы разных сословий, политических взглядов, веры и культуры. Литература 20-х годов XX века запечатлела этот сложный и крайне противоречивый исторический этап нашей страны. В прозе эта тема в зависимости от позиции автора раскрывалась в двух противоположных аспектах: изображение революционных событий в героическом плане либо как трагической страницы в истории (Д. Фурманов, А. Толстой, А. Серафимович, М. Шолохов, А. Фадеев, М. Булгаков, В. Зазубрин, Б. Пильняк, И. Бабель и др.).

Исаак Эммануилович Бабель — один из немногих писателей того времени, кто попытался не только показать события гражданской войны правдиво, без мишуры, но и осмыслить всё происходящее с точки зрения духовности и нравственности. Ярким примером является его книга рассказов «Конармия», вызвавшая неоднозначное отношение к себе известных писателей, литературоведов и политиков.

Свои исследования по данному аспекту представили И.А. Смирин, Л.Я. Лившиц, Ф.М. Левин,

У.М. Спектор, Е.И. Погорельская С.Н. Поварцов, А.Ю. Розенбойм, Г. Белая, Л. Поляк, И.Н. Сухих, Ш. Маркиш, А. Жолковский, М. Ямпольский, Е. Добренко, В. Эйдинова, И.А. Есаулов, Ю. Щеглов, Л. Лейдерман и др. Заслуживают внимания публикации Ю.В. Парсамова, Г.С. Жарникова, А.В. Подобрий, К.А. Жульковой.

Материалы и методы.

На материале рассказов И. Бабеля «Конармия» прослеживаются особенности раскрытия автором философских и нравственных проблем произведения. На основе культурно-исторического, историко-типологического и герменевтического методов исследования выявляется, что для писателя отражение реальных событий гражданской войны ассимилируется в аксиологический аспект, являющийся высшей ценностью общества.

Обсуждение.

В 1923 году видный политический деятель Лев Троцкий опубликовал книгу «Литература и революция». В своей работе Троцкий очень тонко подметил, что после Октябрьских событий многие литераторы пытались отгородиться от последствий Октября и делали вид, что ничего в их деятельности не поменялось. Однако произошедшие

события не могли не оказать влияния на русскую литературу, и в первую очередь на мировоззрение самих литераторов. В ней он дал оценку творчества писателей и поэтов этого времени, выделяя среди них - «отгородившихся», «неистовствующих», «островитян», «пенкоснимателей», «присоединившихся». Литературными попутчиками Лев Троцкий назвал Николая Тихонова, Бориса Пильняка, Николая Клюева, Всеволода Иванова, Сергея Есенина (мимоходом рождённые революцией, неустойчивые, политически ограниченные, ненадёжные). В списке Троцкого нет Исаака Бабеля. Можно предположить, что начинающего писателя он отнёс бы к категории попутчиков-интеллигентов.

Главный редактор журнала «Красная новь» А. Воронский охарактеризовал положение в литературе 20-х годов как «дробление, полемические бои и схватки», споры по двум вопросам: «о пролетарской культуре и искусстве» и «о так называемых попутчиках» [1:21]. Уделяя внимание творчеству В. Маяковского, А. Толстого, Б. Пильняка, С. Есенина, он не упомянул о творчестве И. Бабеля несмотря на то, что первые рассказы из цикла «Конармия» были напечатаны в его журнале. Вероятно, Воронский не воспринял всерьёз литературный дебют молодого писателя Бабеля.

И только руководитель Всероссийской ассоциации пролетарских писателей Г. Лелевич в том же 1923 году, делая обзор литературного процесса за год в журнале «Литературные итоги», отметил яркий талант начинающего писателя: «Наиболее интересным и заслуживающим внимания явлением в области попутнической беллетристики за истекший год следует признать появление на столбцах наших журналов фрагментов Бабеля. Лучшее, что опубликовано пока Бабелем, это фрагменты книги «Конармия». Никто не передал ещё так в художественной литературе будённовцев с их героизмом,

с их инстинктивной революционностью, с их бесшабашным, партизанским, казацким духом. Ни малейшей идеализации. Напротив, сплошь и рядом – тонкая усмешка, и в то же время впечатление огромной революционной мощи» [2:76].

По мысли Ю. В. Парсамова, Воронский считал, что так называемые попутчики являются наиболее сильным пластом в современной литературе, при этом Лелевич и его сторонники усматривали в них неустойчивую стихию, способную изменяться в ту или иную сторону. В этой связи развернулась настоящая борьба за писателей, которая стала одной из основных задач в литературе и политике. Начинающий писатель Бабель в данной ситуации вполне мог называться пролетарским писателем [3:70]. Это подтверждает в своей статье и литературный критик того времени Як. Бенни, который увидел в творчестве Бабеля созревшую гражданскую позицию, считая, что ему «удалось раскрыть одну из труднейших тем нашего времени – тему революционной войны» [4:135].

Казалось, что наконец-то литературная звезда молодого писателя взошла и вскоре ярко засияет на литературном небосклоне, но уже через год разгневанный командарм Будённый в журнале «Октябрь» публикует статью «Бабизм Бабеля из «Красной нови», в которой называет Бабеля, служившего под его началом в Конной армии, «большим садистом», «дегенератом от литературы», считая, что «незадачливый автор», пытаясь «изобразить быт, уклад, традиции 1-й Конной армии в страдную пору её героической борьбы на польском и других фронтах... – выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров, фантазирует и просто лжёт» [5:196].

После этой статьи ставит под сомнение правдивость изображения героев гражданской войны и Лелевич, еще недавно так восторгавшийся ярким талантом Бабеля: «...неужели вся будённовская армия была

сплошной погромной бандой? Неужели изнасилования составляли основную профессию буденновцев? Бабель так увлекся любопытным наблюдением патологических эксцессов, что они совершенно заслонили от него целое» [6: 267]. Для Бабеля это было неприятным моментом. Он даже обещал исправить указанные неточности в произведении. На его защиту встал М. Горький (давший путь в литературу начинающему писателю), ответивший Будённому, что Бабель талантливо дополнил его представление о «героизме» Конармии.

В этой связи интересны в художественном плане характеристики современных исследователей образов красноармейцев «Конармии» И. Бабеля. Так, Г. С. Жарников поход конармейцев рассматривает как организованное шествие ряженных, перемежающееся «балаганными номерами» [7:15]. По мнению А. В. Подобрый, конармейцы представляли собой большую «стаю», противостоящую другим стаям: белым, полякам, махновцам, которым позволено нарушать христианские принципы во имя новой религии - коммунизма [8: 179].

Исаак Бабель, участвуя в польском походе 1920 года в рядах прославленной 1-й Конной армии с документами военного корреспондента на имя Кирилла Лютова, на протяжении всего времени ведёт дневник, в котором пытается запечатлеть события, участником которых он был, а также образы красноармейцев, командиров, польских солдат, а также представителей мирного населения (в особенности еврейского народа): «Вот люди, эти люди бесчинствовали и страдали, глумились и умирали, и была у каждого своя жизнь, своя правда» [9: 125].

Для писателя значимым становится философский аспект произведения, помогающий осмыслить всё происходящее вокруг и обозначить главные нравственные и эстетические ценности, которые

остаются неизблемыми в жизни каждого человека, даже если вокруг жестокость и ненависть: любовь к матери, отцу, родному дому, своей вере, культуре. В каждой из новелл заключена философская мысль автора – она либо высказана одним из героев, либо её произносит сам повествователь, либо отражена в пейзажных зарисовках как детали композиции.

В новелле «Рабби» старый жиитомирский лавочник Гедали с важностью произносит: ... *Всё смертно. Вечная жизнь суждена только матери. И когда матери нет в живых, она оставляет по себе воспоминание, которое никто еще не решился осквернить. Память о матери питает в нас сострадание, как океан, безмерный океан питает реки, рассекающие вселенную...* [9: 29]. Мотив любви к родной матери, которой уже нет в живых, так же проникновенно звучит в романе М. Булгакова «Белая гвардия» в тяжёлое для героев время гражданской войны: Мама, светлая королева, где же ты? [10: 26].

На фоне ненависти, смерти, жестокости образ Матери вырастает и превращается во всеобъемлющую человеческую Любовь... Примером орнаментальности может служить в этой связи рассказ дочери старого еврея (новелла «переход через Збруч») о последних минутах жизни отца, думающего не о себе, а о ней; его слова звучат как молитва, в них нет ненависти к людям, совершающим злодеяние: ... *убейте меня на чёрном дворе, чтобы дочь моя не видела.* И в конце рассказа беременной девушки перерастает в гимн любимому отцу: ... *я хочу знать, где ещё на всей земле вы найдете такого отца, как мой отец...* [9: 4]. Авторская точка зрения здесь выражена в страстном монологе дочери.

И если смерть самого близкого человека в новелле «Переход через Збруч» остаётся в душе героини только как священная память, то в новелле «Прищепка» за смерть

родителей молодой кубанец («неутомительный хам», «вычищенный коммунист» – такова авторская характеристика героя) чинит расправу в родной станице не над белыми, убившими его отца и мать, а над земляками, забравшими имущество с опустевшего дома. Его действия, наполненные какой-то дьявольской силой, поражают своей жестокостью: *В тех хатах, где казак находил вещи матери или чубук отца, он оставлял подколотых старух, собак, повешенных над колодезем, иконы, загаженные помётом* [9: 50]. Всё заканчивается пожаром – горит родная изба («земля курилась», «зарыдал оставленный бычок»), наступает своего рода апокалипсис – сгорает душа человека вместе с брошенной в огонь прядью волос. В финале рассказа мы не слышим философского изречения автора, его отношение к происходящему передано в метафорическом описании картин происходящего. Наверное, предыдущая новелла «Кладбище в Козине» может послужить логическим завершением и для этой новеллы: *О смерть, о корыстолюбец, о жадный вор, отчего ты не пожалел нас, хотя бы однажды?* [9: 50].

Несмотря на то, что семейные ценности являлись на Руси главной частью духовной жизни казачества, Прищепа, ставший коммунистом, переступает эту нравственную черту, считая, что теперь им – новым хозяевам жизни – всё позволено. Таких же принципов жизни придерживаются и остальные красноармейцы, оказавшись на Волыни.

Афонька Бида в одноименной новелле в пьяном виде врывается в католический храм, разбивает в нём ковчег святого Валента, являющийся святыней для местных жителей. Пашка Трунов (новелла «Эскадронный Трунов»), пытаясь выяснить у пленных, кто из них офицер, спокойно одному вонзает саблю в горло, а другому «разносит череп». Кудря (новелла «Берестечко») осторожно,

не забрызгавшись, зарезал старика, подозреваемого в шпионаже.

Поражает своей бессердечностью отношение красноармейца Ивана Акинфиева к своему тёзке дьякону Ивану Аггееву, не хотевшему воевать и для этого притворившемуся глухим. Несмотря на приказ целым и невредимым доставить дьякона на испытание в Ровно, Акинфиев решает заставить его признаться в обмане по поводу своей глухоты. Всю дорогу красноармеец издевается и унижает этого человека, даже не пытаясь понять причину его поступка, а в самые неожиданные моменты стреляет над его ухом из револьвера, чтобы действительно оглушить (в итоге он действительно становится глухим). И когда терпению дьякона приходит конец, он просит убить его, понимая, что Акинфеев не оставит его в покое. В ответ Аггеев слышит следующее: Ты сам яму себе выроешь, сам себя в неё закопаешь. После этих слов дьякон просит рассказчика написать письмо его супруге, чтобы та оплакивала его, так как уверен, что до Ровно он не доедет. Новелла не заканчивается каким-то философским изречением, как другие, последняя фраза звучит из уст Акинфеева как неопровержимый факт предстоящего надругательства над дьяконом. На наш взгляд, смысл здесь заключен в названии рассказа - «Иваны», имени, которое на Руси было очень распространённым. Происходит оно от древнееврейского и означает «Помилованный Богом», то есть на него нисходит милость Божья. Но кто из двух героев ближе автору? Тот, кто невинно страдает и со смирением принимает всё, что ему приходится испытать.

Все эти защитники революции, как было выше отмечено Г. В. Жарниковым, словно ряженые, надевали на себя маски зверей и, забывая и отвергая всё, что некогда для них было свято, творили бесчинства, не думая о наказании: *Пан Людомирский простёр над нами иссохшую руку и проклял нас* [9: 74].

В новелле «Комбриг два» герои революции напоминают кочевников татаро-монгольской орды, на что указывает авторская характеристика нового комбрига Колесникова, в посадке которого рассказчик увидел «властительное равнодушие татарского хана». В этом страшном огне отец может с ненавистью расправиться со старшим сыном, а младший сын Василий Курдюков, чудом оставшийся в живых, но принявший от родного отца «страдания», как «Иисус Христос» (новелла «Письмо»), в письме матери рассказывает, как отомстили они отцу за издевательства над братом, и жалеет только о том, что не может рассказать, «как кончали папашу», так как был «усланный со двора». Любовь к родному человеку на фоне политических событий умирает, остаётся ненависть.

В рассказе М. Шолохова «Родника», в котором также отражены события гражданской войны на Дону, мы наблюдаем искреннее горе белого казака, убившего собственного сына – молодого красного командира Николая Кошевого. Нечеловеческая ненависть к врагу в одно мгновение исчезает и превращается в огромную любовь к сыну: *Упал, заглядывая в меркнувшие глаза; веки, кровью залитые, приподымая, тряс безвольное, податливое тело. К груди прижимая, поцеловал атаман стынущие руки сына и, стиснув зубами запотевшую сталь маузера, выстрелил себе в рот [11:23].*

Неужели революция и гражданская война так изменили этих людей? Ответом на этот непростой вопрос становятся рассуждения Гедали о смысле революции в разговоре с Лютовым: *Революция – это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди [9: 24].* Лютову нечего противопоставить его словам. Как видим, здесь сталкивается социальная правда и духовная истина, где автор сторонник второй. Голос автора звучит и в печали

об осквернении ульев, о будничных злодеяниях красноармейцев, в том числе и его, они теснят душу («сердце моё, обагрённое убийством, скрипело и текло»), что подтверждает важную мысль – мир, построенный на страданиях людей, не может быть оправдан. Эту авторскую позицию воплощает в себе образ Сашки Конева, названный своими сослуживцами за кротость и доброту к людям Христом. В отличие от других казаков этот юноша не совершает бесчинства на чужой земле, а наоборот, пытается образумить своих товарищей любым способом, так сказать, «помиловать Христа ради» в отношении мирных жителей.

В новелле «Песня» Лютов разгневан на хозяйку, в дом которой попал на постой: он видит в ней злую женщину, спрятавшую свою живность и другие продукты от непрошенных гостей. И когда выясняется, что она действительно обманывает («в хате пахло щами») – готов расстрелять её. Похожая ситуация изображена в новелле «Соль», где Никита Балмашов за обнаружившийся обман женщины в вагоне поезда (под видом ребёнка она пыталась провезти соль) смыкает позор «с лица трудовой земли» – спокойно её убивает, даже не задумываясь о том, что, совершая такой безнравственный поступок, – оставляет, возможно, детей без матери. И если там происходит убийство, то здесь Сашка Христос останавливает своего командира, исполняя его любимую песню «Звезда полей на отчим домом», смягчившую сердце начальника. В словах хозяйки звучит та же философская истина: грех от Бога пугать женщину оружием, как и грозиться сжечь её дом (новелла «Замостье»). Не зря после этих жестоких сцен по отношению к людям красноармеец Волков, отражая авторскую позицию, резюмирует: *мы проиграли кампанию...*

Как покаяние по всем совершенным злодеяниям (*...летопись будничных злодеяний теснит меня*

неутомимо, как порок сердца) в последней новелле рассказчик решает совершить панихиду по убитым: *В конармии некому это сделать, кроме меня. Я ужаснулся множеству панихид, предстоящих мне* [9: 123]. Так же поступает и Николка Турбин в «Белой Гвардии»: *В ту же ночь в часовне всё было сделано так, как Николка хотел, и совесть его была совершенно спокойна, но печальна и строга* [10:262].

На фоне этих действий «меркнет героизм» прославленных конармейцев, забывающих о цене и смысле человеческой жизни. Булгаков писал, что если не говорить жестокою правду, то как можно донести эту трагедию братоубийственной гражданской войны? Поэтому именно его любимая героиня Елена, эта благородная женщина, никого не убившая, произносит страшные слова: «Все мы в крови повинны...»

Л. Лейдерман считает мысль И. Э. Бабеля об игнорировании вечных ценностей под лозунгами революции, «противопоставление им даже самых благородных и исторически востребованных новых идей

вместо поиска путей их совмещения и взаимообогащения чревато многими потерями, бедами и несчастьями» [12: 11].

Заключение.

Таким образом, И. Бабель в «Конармии», изображая красноармейцев армии Будённого на фронтах гражданской войны, их героические подвиги, не мог не показать и их отрицательные стороны, не затронуть возникающие в этой связи волнующие автора и нравственно-философские проблемы, которые являются значимыми для каждого человека: любовь и ненависть, милосердие и жестокость. Данные вопросы пытались отразить в своих произведениях и другие писатели: М. Шолохов, М. Булгаков, А. Фадеев, Д. Фурманов – каждый по-своему.

Обращаясь к теме изображения нелёгких событий истории своей страны, писатели старались подняться в своих произведениях над политическими и кровавыми событиями, обращаясь к общечеловеческим проблемам. Сборник рассказов «Конармия» И. Бабеля – яркое тому свидетельство.

Примечания:

1. Воронский А. Дела литературные // Прожектор. 1923. № 22.
2. Лелевич Г. 1923 год: литературные итоги // На посту: ежемесячный литературно-критический журнал. 1924. № 1 (5) Май. С. 76.
3. Парсамов Ю.В. Этот писатель - почти дебютант (к истории ранних журнальных споров о Бабеле) // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 6 (68). С. 68-75.
4. Бенни Як. И. Бабель // Печать и революция: журнал литературы, искусства, критики и библиографии. 1924. Кн. 3. С. 135.
5. Буденный С. Бабизм Бабеля из «Красной Нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196.
6. Лелевич Г. По журнальным окопам // Молодая гвардия. 1924. № 7-8. С. 267.
7. Жарников Г.С. О святочном аспекте времени в «Конармии» Исаака Бабеля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-2 (70). С. 12-15.
8. Подобрий А.В. Культурно-религиозная составляющая концептов «милосердие» и «жестокость» (на примере «Конармии» И. Бабеля) // Мировая литература в контексте культуры. 2010. № 5. С. 178-181.
9. Бабель И. Конармия. Рассказы, дневники, публицистика / сост. А.Н. Пирожкова-Бабель. М.: Правда, 1990. 480 с.
10. Булгаков М.А. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Киев: Днепр, 1989. 766 с.
11. Шолохов М.А. Рассказы. М.: Дрофа, 2006. 320 с.

12. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург: УГПУ, 2010. 904 с.

13. Панеш У.М., Соколова Г. В. О типологических связях общеадыгского рассказа о войне с русской литературой // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 3 (145). С. 116-120.

References:

1. Voronsky A. Literary affairs // Prozhektor. 1923. No. 22.
2. Lelevich G. 1923: literary results // On duty: a monthly literary and critical journal. 1924. No. 1 (5). May. P. 76.
3. Parsamov Yu.V. This writer is almost a debutant (on the history of early magazine disputes about Babel) // Bulletin of the RGGU. Ser.: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies. 2011. No. 6(68). P. 68-75.
4. Benny Yak. I. Babel // Print and Revolution: Journal of Literature, Art, Criticism and Bibliography. 1924. Book 3. P. 135.
5. Budyonny S. Babel's Babism from Krasnaya Nov // October. 1924. No. 3. P. 196.
6. Lelevich G.S. In the trenches of journals // Molodaya gvardiya. 1924. No. 7-8. P. 267.
7. Zharnikov G.S. On the Yuletide aspect of time in Isaac Babel's «Konarmiya» // Philological Sciences. Issues of theory and practice. 2017. No. 4-2(70). P. 12-15.
8. Podobriy A.V. The cultural and religious component of the concepts of «mercy» and «cruelty» (based on «Konarmiya» by I. Babel) // World literature in the context of culture. 2010. No. 5. P. 178-181.
9. Babel I. Konarmiya. Stories, diaries, journalism / comp. by A.N. Pirozhkova-Babel. M.: Pravda, 1990. 480 pp.
10. Bulgakov M.A. Selected works: in 2 vols. Vol. 1. Kiev: Dnipro, 1989. 766 pp.
11. Sholokhov M.A. Stories. M.: Drofa, 2006. 320 pp.
12. Leiderman N.L. Theory of genre. Yekaterinburg: UGPU, 2010. 904 pp.
13. Panesh U.M., Sokolova G.V. On typological relations of the Adyghe general story about the war with Russian literature // Bulletin of the Adyghe State University. 2014. Iss. 3 (145). P. 116-120.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 11.02.2023; принята к публикации 19.03.2023.

The paper was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 11.02.2023; accepted for publication 19.03.2023.

© Л. П. Бессонова, 2023